

Левакин Александр Сергеевич

О ГЕНЕЗИСЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КУЛАЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

В публикации анализируются вопросы формирования в российской деревне кулачества как социальной группы, возникшей в рамках развития товарно-рыночных отношений и своей деятельностью стимулировавшей эти отношения на селе. Освещаются причины, время возникновения и генезис кулачества, ведущие направления деятельности данной социальной группы, ее социально-экономические параметры. Указаны особенности отношения современников и представителей власти к кулакам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 106-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)"17/19"

Исторические науки и археология

В публикации анализируются вопросы формирования в российской деревне кулачества как социальной группы, возникшей в рамках развития товарно-рыночных отношений и своей деятельностью стимулировавшей эти отношения на селе. Освещаются причины, время возникновения и генезис кулачества, ведущие направления деятельности данной социальной группы, ее социально-экономические параметры. Указаны особенности отношения современников и представителей власти к кулакам.

Ключевые слова и фразы: генезис; деревня; крестьянство; «кулак»; «кулачество»; ростовщичество.

Левакин Александр Сергеевич, к.и.н.

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
Levakin@rambler.ru*

О ГЕНЕЗИСЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КУЛАЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)©

Столь специфическая социальная группа сельского населения, как кулаки, вызывавшая весьма неоднозначное, зачастую (и даже, как правило) враждебное отношение современников, представляла собой, тем не менее, неотъемлемое и характерное явление в жизни досоветской деревни. Продержавшись на селе еще и в первое десятилетие советской власти, кулаки (равно как и огромное множество неправоммерно причисленных к ним крестьян) канули в Лету в ходе сплошной коллективизации сельского хозяйства, осуществленной в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг.

Казалось, по завершении коллективизации исследование вопросов генезиса и деятельности кулачества навсегда будет носить лишь отвлеченно-абстрактный, научно-теоретический интерес, далекий от повседневности колхозной деревни, в которой представителям указанной социальной группы уже не было места. Однако бытие людских сообществ зачастую предопределено великим множеством случайностей и неожиданностей, опровергающих даже самые тщательные расчеты и наиболее вероятные предположения. Так случилось и с кулаками. Наблюдаемое в российской постколхозной деревне бурное развитие товарно-рыночных отношений, в значительной мере аналогичное процессам, разворачивавшимся на селе в досоветскую эпоху, привело к укреплению социальных позиций кулачества. По мнению наблюдателей и исследователей, в наше время в деревне можно отыскать представителей новой формации «кулаков-мироедов», которые социальным обликом и деятельностью напоминают своих далеких предшественников; об этом, в частности, убедительно пишет А. М. Никулин [9, с. 349-364].

Произошедший в постсоветский период своеобразный «кулацкий ренессанс», если позволено будет применить подобное выражение, актуализирует задачу научного осмысления начальных этапов генезиса кулачества в российской деревне, относящихся к XVIII-XIX вв., придавая решению отмеченной задачи уже не только научно-теоретическое, но и вполне практическое значение. Научно-теоретическая актуальность названной задачи определена неудовлетворительным освещением соответствующей тематики в историографии. Несмотря на продолжавшиеся на протяжении многих десятилетий описания и изучения досоветской и советской генераций кулаков, социальная сущность и количественные параметры этих генераций еще далеки от детального определения вследствие крайней идеологизации и политизации данных вопросов в советской историографии (что убедительно доказано в работах Г. Ф. Доброноженко) [3, с. 299-306]. Приходится констатировать, что пресловутые кулаки остаются наиболее загадочной и мифологизированной социальной группой российской дореволюционной и советской доколхозной деревни.

Что же касается прикладной, практической актуальности вышеотмеченной задачи, то она со всей очевидностью обусловлена развернувшимися на селе с конца 1980-х гг. социально-экономическими процессами. В современных условиях изучение многообразных аспектов проблемы возникновения и развития кулачества позволяет не только установить и удовлетворительно объяснить закономерности и тенденции формирования данной социальной группы в досоветскую эпоху, не только отделить ее исторически достоверные социально-экономические параметры от большевистских идеологем (и донныне дезориентирующих сознание не столь уж малого количества наших сограждан), но и прогнозировать сценарии генезиса «новых кулаков» в постколхозной деревне.

Учитывая вышеизложенное, в настоящей публикации нами предпринята попытка обрисовать социально-экономический облик кулачества и предшественников этого социального образования в XVIII – начале XX в., то есть в период, когда интересующая нас специфическая группа сельского населения находилась в стадии формирования, а ее трактовки исследователями и общественностью не были столь идеологизированы, как в советское время. На протяжении указанных столетий представляли перед современниками в своем, так сказать, первозданном виде, вследствие чего последние давали этим сельским «мироодам» наиболее точные социальные характеристики. По этой причине, применительно к XVIII – началу XX в. о кулаках

представляется возможным говорить без кавычек (в отличие от советских времен, когда понятие «кулак» было политизировано и неправомерно расширено, следствием чего явились весьма значительные масштабы «раскулачивания», обрушенного сталинским режимом во время коллективизации на сколь-нибудь зажиточных и оппозиционно настроенных крестьян).

Генезис кулачества в российской деревне представляет собой научную проблему, которая вплоть до настоящего времени отнюдь не может считаться окончательно и полностью решенной. Ограниченные рамками настоящей публикации, мы можем позволить себе лишь схематично обозначить основные этапы возникновения и развития на селе такой специфической социальной группы, как кулаки.

Прежде всего, говоря об эволюции кулачества в российской деревне, следует заметить, что данная социальная группа появилась здесь не в одночасье и не на пустом месте. Р. Гвоздев, бывший очевидцем стремительного расширения и укрепления позиций кулачества во второй половине XIX в. и являющийся автором одной из первых специальных монографий об этом социальном феномене, обоснованно указывал, что предшественники кулаков действовали на селе задолго до отмены крепостного права. Гвоздев справедливо полагал, что «необходимость для крестьянина отчуждать продукты своего труда на рынок» при отсутствии возможности самому заняться продажей таковых (ведь, в условиях крепостничества систематически вывозить произведенную продукцию на продажу было для земледельцев затруднительно) создала в деревне условия для возникновения и деятельности разного рода перекупщиков, посредников, торговцев-прасолов и т.п. [2, с. 21]. Все эти люди с полным основанием могли быть названы не только предшественниками кулаков, но и – в том случае, когда они продолжали свою деятельность уже после отмены крепостного права, – первыми представителями отмеченной социальной группы.

Мнение Гвоздева и его единомышленников из числа современных ему исследователей представляется вполне справедливым. При этом начало процесса формирования кулачества можно отнести как минимум ко второй половине XVIII в., когда феодализм в деревне начинает сдавать позиции, крепнут и развиваются товарно-рыночные отношения, когда, как отмечают специалисты, «возрастает роль крестьянства в торговле» и «заметно прогрессирует процесс выделения профессиональных купцов (особенно в сфере межобластных связей), в том числе скупщиков продукции непосредственно у ремесленников и крестьян с последующей перепродажей с прибылью» [5, с. 86-94].

Пытаясь отыскать предшественников кулачества в XVIII в., мы неизбежно вспоминаем хрестоматийных «капиталистских» крестьян, выделявшихся из массы односельчан своей предпринимательской деятельностью (создание различных мануфактур, скупка-продажа и т.п.) и, соответственно, нажитым богатством. Этих предпринимателей можно было встретить повсеместно как среди государственных, так и крепостных крестьян. В частности, в конце XVIII в. в принадлежавшем графам Шереметевым селе Васильевском насчитывалось 17 зажиточных крестьян, имевших капитал от 500 рублей и более. Богатые крестьяне села Иванова, принадлежавшего той же аристократической фамилии, имели не только фабрики и заводы, но обширные земельные наделы и собственных крепостных, занятых как в земледелии, так и в промышленности (хотя земля и крепостные приобретались с согласия помещика и на его имя). Так, «капиталистский» крестьянин Е. И. Грачев в 1795 г. владел 3034 десятинами земли и 881 душой мужского пола; крепостные удовлетворяли «надобности [его] домашнего хозяйства в хлебе, в сене», а также были заняты в доставке дров на принадлежавшую ему фабрику [14, с. 24-25, 29].

Думается, однако, что «капиталистские» крестьяне могут быть признаны предшественниками кулаков лишь с известными оговорками. Представляется, что они ближе к промышленникам, к предпринимательско-купеческому слою, чем к классическим кулакам, которых современные им исследователи трактовали как примитивных сельских капиталистов, перекупщиков, ростовщиков, отнюдь не порвавших прочные связи с деревней и наживавшихся на эксплуатации и обмане односельчан (подробнее о социальной сущности кулачества мы поговорим чуть ниже).

Как бы там ни было, применительно к XVIII в. представляется возможным говорить о предшественниках кулаков, но не собственно о кулаках. Насколько можно судить на основании имеющихся документов и материалов, термин «кулак» появляется не ранее первой половины – середины XIX в. Специалисты обоснованно указывают, что уже во времена В. И. Даля, то есть в первой половине XIX в., «слово —улак» обозначало предпринимателей —«примитивного» типа (представителей первоначального накопления)» [8, с. 359]. Например, случайное упоминание о кулаках содержится в одном из писем князя А. С. Меншикова, столь бездарно и неудачно командовавшего русской армией в Крыму в 1854 – начале 1855 г. В декабре 1854 г. Меншиков, пытаясь оправдаться за крайне неудовлетворительное снабжение вверенных ему войск боеприпасами, амуницией, продовольствием, указывал на безобразное состояние путей сообщения и жаловался, что дороги из Симферополя в Севастополь «в такой степени разбиты, недостаток в фураже таков, что никто, ни возчики, ни кулаки, (*sic!* – *авт.*) даже за баснословные цены не решаются взять на себя перевозку сюда (*в Севастополь* – *авт.*) чего-либо» [12, с. 251].

О количественных параметрах «протокулачества» в дореформенной деревне судить сложно. Но, каковы бы они ни были, можно с уверенностью утверждать, что лишь реформа 19 февраля 1861 г. создала предпосылки и для возникновения собственно кулачества, и для ускоренного расширения его рядов. Ведь отмена крепостного права стимулировала развитие капитализма в императорской России, что соответствующим образом сказалось на социально-экономических отношениях в деревне, где натуральное хозяйство все быстрее уступило свои позиции хозяйству товарно-рыночному, и тем самым возникли наиболее благоприятные

условия для сельских капиталистов-кулаков. О возросшей во второй половине XIX в. роли кулачества хорошо сказал Р. Гвоздев: «Эта крупная кряжистая фигура заметна всюду. Она заполонила русскую действительность – ни в городах, ни в деревне вы не минуете встречи с ней» [2, с. 1].

Здесь следует рассмотреть социальную сущность российского пореформенного кулачества. Надо сказать, что уже современники, на глазах которых проходило становление кулачества, дали этому социальному новообразованию меткие и справедливые характеристики, причем были в них на редкость единодушны. В социально-экономическом плане кулаки понимались российскими исследователями второй половины XIX – начала XX в. как сельские предприниматели, занятые не столько непосредственным производством, сколько финансовыми операциями. Причем очевидцы генезиса кулачества справедливо подчеркивали, что это были предприниматели эпохи первоначального накопления капитала, следствием чего являлись примитивизм и грубость направлений и методов их деятельности. Указывалось, что особенно популярным и наиболее доходным занятием кулаков являлось ростовщичество. Так, А. Н. Энгельгардт писал, что «все у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты» [15, с. 387]. Показательно, что в названиях специальных работ по данной тематике термины «кулак» и «ростовщик» нередко соседствовали [2, с. 21].

Источники доходов и укрепления экономического могущества кулаков в пореформенной деревне были различны. Все тот же Р. Гвоздев указывал на чрезвычайно разностороннюю деятельность кулачества: «Кулак, подобно хамелеону принимает чрезвычайно разнообразные формы и даже, более того, постоянно меняет свою деятельность, смотря по той экономической атмосфере, среди которой ему приходится существовать и действовать. Он является то арендатором частновладельческой земли, дробит ее на участки и передает их крестьянам, то мы его встречаем во главе промысловой артели..., то он фигурирует в качестве скупщика кустарных изделий, хлеба, скота, крестьянского инвентаря, не брезгуя даже торговлей билетами воспитанников Воспитательного дома, то мы сталкиваемся с ним в образе деревенского ростовщика, распорядителя делами ссудо-сберегательного товарищества, лавочника, отпускающего продукты в долг и т.д.» [Там же, с. 1].

С наибольшей активностью кулаки занимались ростовщичеством, ссужая деньги в долг под огромные проценты нуждающимся крестьянам. Численность же таких резко увеличилась после отмены крепостного права, когда российские земледельцы получили личную свободу, но не землю как основной источник их благосостояния. Выгодны для кулаков были и арендные операции. Зачастую сельские богатеи арендовали землю помещиков, сдавая ее в субаренду окрестному крестьянскому населению и тем увеличивая собственные доходы. У крестьян дореформенной и особенно пореформенной деревни, обычно не было иного выхода, кроме как обращаться к услугам кулака. Ведь, после разорительных земельных «отрезков» 1861 г. у общинников часто просто не было свободных средств для внесения арендной платы, которую владелец земли требовал заранее, еще до реализации урожая.

Впрочем, арендными операциями занимались и кулаки в казачьих станицах Дона и Кубани, не знавших крепостного права. Однако в условиях развития капитализма часть казаков обеднела, так как сословные привилегии (право пользования землей, освобождение от налогов и пр.) уже не окупали затрат при несении военной службы; затраты же были велики, ибо, как известно, казак приобретал все необходимое для службы в армии на собственные средства. Кроме того, увеличение численности казачьего населения закономерно вело к сокращению земельного пая, полагавшегося каждому казаку мужского пола. Тогда-то казакам приходилось прибегать к аренде, посредниками при которой выступали все те же вездесущие кулаки, наживавшиеся за счет высоких цен и разорения казачьей бедноты. Здесь нельзя не согласиться с категоричными утверждениями советских исследователей о том, что «для казаков-кулаков, беспощадно эксплуатировавших казаков-бедняков, арендные спекуляции казачьими земельными паями стали источником паразитического обогащения» [6, с. 21].

Добавим лишь, что в казачьих регионах Юга России кулаками, то есть сельскими предпринимателями, перекупщиками, ростовщиками, зачастую становились не сами казаки, но представители иногороднего населения. Так, на Кубани в 1917 г. свыше половины предпринимательских хозяйств были иногородними [7, с. 18]. В значительной мере, данное обстоятельство порождалось тем, что иногородние, в отличие от казаков, земли не имели и вынуждены были заниматься не хлебопашеством, но ремеслами, торговлей и пр.

Осталось сказать несколько слов об отношении правительственных органов Российской империи к деятельности кулачества. Вопреки характерным для советской историографии утверждениям о тождественности интересов царской администрации и кулаков, следует отметить, что «протокулацкие» кулацкие махинации в XVIII – начале XX в. беспокоили представителей власти. Ведь обусловленное кулацким лихоимством разорение крестьян и разрушение общины неизбежно влекли за собой подрыв сельского хозяйства и снижение налоговых поступлений в государственную казну.

Уже в XVIII в. российские законодатели возмущались лихоимством городских и деревенских ростовщиков, именуя таковых «безсовестными грабителями» [13, с. 299]. Законодательство пореформенной России также не жаловало кулаков-ростовщиков. Согласно ст. 180 «Устава о наказаниях», лица, занимающиеся скупкой у крестьян хлеба «на корню, снопами или зерном» по несоразмерно низкой цене и заведомо воспользовавшись «крайне тягостным положением продавца», в первый раз подвергались наказанию в виде ареста на срок до 3 месяцев (в случае рецидивов – тюремному заключению до 6 месяцев) и обязывались заплатить за купленное по действительной цене [16, ст. 166].

Однако репрессивные меры представляли собой борьбу со следствием (финансовые махинации кулаков-перекупщиков и ростовщиков), но не причиной, каковой выступала резкая социальная поляризация сельского

населения и массовое обеднение крестьянства в условиях ускоренного развития капиталистических, товарно-денежных отношений. Поэтому эффективность таких мер была ничтожной. Современники справедливо констатировали, что, «как всякий паллиатив, оставляющий нетронутой причину недуга, полицейская борьба с кулачеством фактически остается более или менее безрезультатной» [Там же]. В частности, журналисты издававшейся в Области войска Донского газеты «Приазовский край» с унынием признавали в начале XX в.: «На шее казака-земледедца прочно уселся паук – кулак. Борьба с ним бесплодна, перед ним бессильны объединенные станичные общества и даже закон» [10].

Констатируем, что начальные этапы генезиса кулачества как корпорации сельских предпринимателей-ростовщиков эпохи первоначального накопления капитала следует датировать XVIII – первой половиной XIX в., то есть еще до отмены крепостного права. Рождение же классических кулаков связано с Великими реформами 1860-х – 1870-х гг. и, конечно, в первую очередь с Манифестом Александра II от 19 февраля 1861 г., круто изменившим жизнь российской деревни. Несмотря на недоброжелательность широких слоев крестьянства и представителей власти, сельские предприниматели-ростовщики чувствовали себя вполне уверенно в досоветской деревне. Только во время коллективизации существованию кулачества был положен конец. Но, в 1930-х гг. «кулаками» объявлялись уже не только торговцы и ростовщики, но и масса зажиточных крестьян и даже середняков и бедняков (если таковые расценивались большевиками как противники сталинского режима), что превратило «раскулачивание» в трагедию российского крестьянства.

Список литературы

1. Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980.
2. Гвоздев Р. Кулачество-ростовничество. Его общественно-экономическое значение. СПб., 1898.
3. Доброноженко Г. Ф. «Кулак» во второй половине XIX – 20-е гг. XX в.: общеупотребительное слово – научный термин – идеологема // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 299-306.
4. Доброноженко Г. Ф. «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. (на материалах Северного края): дисс. ... докт. ист. наук. Архангельск, 2010.
5. Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86-94.
6. Ленинский путь донской станицы / под ред. Ф. И. Поташева, С. А. Андропова. Ростов н/Д, 1970.
7. Матюшенко П. П., Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г. как источник социально-экономической характеристики сельского населения Кубани накануне социалистической революции // Октябрьская революция и изменения в социальном облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917-1929 гг.): сб. науч. трудов. Краснодар, 1984. С. 13-42.
8. Никулин А. М. Конференция «–Новые сильные» и «–новые слабые» в современной российской деревне (регионы, хозяйства, семьи)». 11-12 апреля 1996 г., Москва, Центр крестьяноведения и сельских реформ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник-1997. М., 1997. С. 356-365.
9. Никулин А. Н. Мироед и общество: досоветское наследие постсоветской повседневности // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. 2011 / под. ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, И. В. Троцук. М., 2011. Вып. 6. С. 349-364.
10. Приазовский край. 1913. 6 июня.
11. Сазонов Г. П. Ростовничество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб., 1894.
12. Тарле Е. В. Крымская война. Изд. 2-е, исправ. и доп. М. – Л., 1950. Т. II.
13. Хромов П. А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957.
14. Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII-XIX вв.: по материалам Шереметевских вотчин. М., 1963.
15. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1956.
16. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1914. Т. 26.

ABOUT GENESIS AND SOCIAL ESSENCE OF THE KULAKS IN RUSSIAN VILLAGE (THE XVIIITH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)

Levakin Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in History
Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
Levakin@rambler.ru

In the article the questions of the kulaks formation in the Russian village as a social group, which appeared while developing goods-and-market relations and stimulated these relations in the village with its activity, are analyzed. The kulaks reasons, origin time, genesis, the main directions of this social group activity, its social and economic characteristics are described. The features of contemporaries' and power representatives' attitude towards the kulaks are shown.

Key words and phrases: genesis; village; peasantry; «kulak»; «the kulaks»; usury.